

В государстве Великая Чэнь почитали гражданских чиновников и пренебрегали военными, учёные презирали воинов. В глазах великих кланов Великий генерал, возглавлявший военных, был грубым и невежественным воякой, и если бы не его родство с императрицей, он бы остался простолюдином, выходцем из глухой Бинчжоу. В правительстве чиновники-гражданские продвигались по службе с лёгкостью, и при хорошем происхождении можно было взлететь на вершину одним махом. Как, например, семья Сун, лидер великих кланов: четверть гражданских чиновников в правительстве считались учениками семьи Сун, а слабый здоровьем Сун Фан начал службу с ранга в две тысячи ши. Простолюдину же потребовались бы десятилетия усилий, чтобы достичь ранга в одну тысячу ши.

Великие кланы захватили каналы для продвижения по службе, но те, кто получал должности благодаря происхождению, часто не имели ни таланта, ни добродетели. В народе даже пели детскую считалку: «Избирают способных, но они не знают книг. Избирают благонравных, но они не живут с отцами. Бедняки и чистые душой — грязь, а высокопоставленные генералы трусливы, как курицы». Это говорилось о великих кланах. Военные и учёные не ладили, и Великий генерал Лян Фу, разумеется, не мог относиться хорошо к человеку, который получил высокий пост благодаря происхождению и женитьбе на принцессе. Вероятно, слова тех, кто отпускал колкости, были ему по душе.

В этом не было ничего удивительного, но её смущало, что Сун Сюй позволил военным притеснять Сун Чжи всю ночь и не вмешался ни разу. Сун Чжи не хотела задерживаться, выпила круг с гостями и собралась уйти.

Но Сун Чжи хотела уйти, а люди внизу не собирались её так легко отпускать: на словах желая счастья, они запихивали ей вино, словно собирались утопить её в алкоголе. К концу у неё уже разболелась голова, она шаталась, едва держась на ногах. Даже если бы она умела пить, этот вкус ей не нравился, а её уже мутило.

Она смиренно поклонилась, махнула рукой и, задыхаясь, с покрасневшим лицом сказала:

— Господа, сегодня великий день радости, и я почтительно благодарен вам за то, что вы пришли поздравить. Я не силен в питье, после этой чаши прошу вас, пощадите меня!

Гости, все люди высокого ранга, услышав её мольбу о пощаде, разразились громким смехом и перестали её доставать. Сун Чжи допила вино, показав пустую чашу, и уже собралась уходить во внутренние покои, как вдруг услышала громкий смех позади:

— Господин Сун, сколько лет мы не виделись, ваш голос изменился!

Сун Чжи вздрогнула всем телом, сердце ушло в пятки. Она перепила, мысли путались, и она не могла сразу придумать оправдание. Внешность человека может измениться с возрастом и опытом, но как объяснить перемену в голосе? Она обернулась, прищурилась и окинула взглядом говорившего.

Этот человек был одет в чёрное, ростом в восемь чи, с лицом прекрасным, как нефрит, ясными чертами, а в его глазах отражался свет свечей, сверкающий и яркий. На мочках ушей висели круглые жемчужины, серебряные крючки и бирюза; и, в отличие от воинственного Сун Миня, он был больше похож на учёного Сун Фана. Кто бы это мог быть, кто был допущен в этот зал, не видел Сун Фана несколько лет и называл его «господин Сун»?

У Сун Чжи мороз по коже, ведь все взгляды устремились на неё. Один неверный ответ — и она могла бы погибнуть на месте, тело её разорвали бы на куски, и это могло погубить весь дом Сун.

Когда она была в безвыходном положении, в холодном поту, другой голос спас её.

— Фума, уже поздно.

Этот голос стал для Сун Чжи как дождь в засуху. Благодаря этому перебиву она сразу вспомнила о ломке голоса. Она извинительно улыбнулась человеку и сказала:

— Несколько лет назад я был ещё юн, а ныне возмужал, естественно, голос изменился. К тому же сегодня, упав в воду, я немного воспалил горло, благодарю за заботу. Прошу вас, продолжайте трапезу.

Она выпрямилась и проследовала за служанкой за ширму. В зале были люди, которые развлекали гостей, ей не нужно было беспокоиться. Выйдя из зала, её обдуло холодным ветром, и она вздрогнула. Спина её была мокрой от пота, не говоря уже о свадебном венце, который давил на голову так, что она не могла поднять взгляд. Ноги подкашивались, руки трепетали, и она, опираясь на дверь зала, не могла сдвинуться с места.

Только что было действительно опасно, и она увидела улыбку на лице Сун Сюя, которая показалась ей жуткой. Она чувствовала, что Сун Сюй что-то знал, но не разоблачал её и не создавал проблем, словно наблюдал за представлением. Она мало знала этого дядю, видела его лишь несколько раз в детстве. Но раз они были из одного дома, Сун Сюй вряд ли хотел её смерти?

— Фума, с вами всё в порядке?

Голос служанки вернул Сун Чжи в реальность. Она растерянно посмотрела на служанку, затем очнулась и с горькой улыбкой покачала головой:

— Ничего, я... у меня просто немного разболелась голова. Пойдём.

Служанка повела её в опочивальню, и особняк принцессы Сяньнин действительно занимал огромную площадь. Пройдя через сад с редкими цветами и травами, поднявшись на извилистые галереи, она увидела возвышающиеся павильоны. Пройдя время, равное выпиванию чашки чая, она подумала, что уже пришла, но служанка сменилась, и её повели по новой дорожке. На самом деле в особняке принцессы было не так много людей: одна хозяйка и полхозяина — принцесса и она, подставной Фума. Зато слуг было полно: десяток ухаживал за цветами, двадцать подметало и протирало столы, а ещё были конюхи, повара, управляющие хозяйством и так далее, плюс личная гвардия принцессы — всего, наверное, несколько сотен человек.

Но по сравнению с домом Сун это было скромно. Дом Сун был обвинён в измене, и более трёхсот человек из клана были казнены, и это не считая домочадцев. Если посчитать всех слуг, их головами можно было бы завалить ров вокруг крепости.

Сун Чжи заметила, что древесина и камень под ногами были высшего качества, и подумала, что годовой доход принцессы не превышал пятисот золотых. Содержание людей, лошадей и хозяйства, если бы не было расточительности, едва позволяло есть хорошую еду. Если бы этот дом строился на её средства, принцессе Сяньнин пришлось бы десять лет жить на одной каше. Три гуна получали десять тысяч ши в год, что составляло всего триста золотых. Дом Сыту был огромен, и всё в нём было лучшего качества, плюс нужно было содержать гостей. Если бы не казнокрадство, кто бы поверил? Сун Цянь казнокрадствовал или нет, Сун Чжи не могла знать, да и не имела права судить. Она была из дома Сун, и её жизнь зависела от их содержания. Теперь её заставили выдать себя за брата и жениться на принцессе, и она перешла от

содержания домом Сун к содержанию принцессой. Всё это казалось каким-то странным.

Она вздохнула и твёрдо решила, что при первой же возможности заработает денег, чтобы не полностью зависеть от других. Она не считала принцессу Сяньнин мягкотелой женщиной: её решимость, с которой она позволила ей выдать себя за Сун Фана, говорила о многом. Дом Сун был могущественным, но станет ли принцесса Сяньнин снисходительной к её временной роли цита? Едва ли. Если что-то пойдёт не так, первой умрёт она.

Стоя у двери опочивальни, Сун Чжи хлопала себя по холодному лбу, пытаясь облегчить тяжесть в голове от выпитого. Она заставила себя выглядеть более трезвой, глубоко вздохнула и мягким голосом сказала внутрь:

— Принцесса, ваш слуга просит аудиенции.

Служанки по обе стороны двери переглянулись, удивляясь, почему Фума, придя к двери в первую брачную ночь, просит аудиенции. Служанка, приведшая её, улыбнулась и напомнила Сун Чжи:

— Фума, просто войдите.

Дверь открылась, служанки у двери поклонились и вместе с ведущей отступили. Сун Чжи, которая до этого была немного нервной и напуганной, теперь, под воздействием вина, не чувствовала страха. Алкоголь притупил нервы, как говорится, пьяному море по колено. Сун Чжи вошла в свадебные покои, где ещё две служанки прислуживали принцессе Сяньнин. Увидев её, они быстро поклонились:

— Фума!

— Принцесса, — Сун Чжи поклонилась, глядя на двух служанок, и беспокойно замерла, не зная, что сказать.

К счастью, принцесса Сяньнин поняла её затруднительное положение и повелела:

— Вы можете уйти, здесь вы не нужны.

Служанки поклонились, вышли и закрыли за собой дверь. Принцесса Сяньнин улыбнулась ей и указала на место рядом:

— Садись.

Примечание автора:

Уважаемые ровесники называли друг друга «господин», а тайши называли «фуцзюнь». На таких высоких банкетах существовали ограничения по рангу.

Две тысячи ши примерно соответствовали должности мэра города.

В древности при встрече люди кланялись, при встрече с высокопоставленным чиновником обычно складывали руки и делали долгий поклон. Но иногда такие поклоны могли быть немного пренебрежительными и высокомерными. Коленопреклонение случалось редко, кроме важных случаев, люди не падали на колени легко.

Фума для принцессы был подчинённым, их статусы не были равны. Некоторые Фума могли не видеть принцессу годами, если она их не вызывала. Если только семья Фума не была знатной и

не имела заслуг, их статус не был слишком низким.

Шаофу — это управляющий императорской казной.

<http://bllate.org/book/16453/1492698>